

Боль была почти невыносима, пронзала его насквозь, до самого нутра. Гарри не знал, где находится, да и был ли он вообще. Кто он, тоже было неясно. В голове мелькали хаотичные образы, будто фильм, прокручиваемый в ускоренном режиме, – все одновременно, но в то же время каждое мгновение по отдельности. Это было бы головокружительно, если бы не боль, затуманивающая разум. По ней он понял, что прошло немного времени, как он пришел в себя, по крайней мере, частично. Опыт подсказывал: боль в краткосрочной перспективе пробуждает все чувства, а в долгосрочной – притупляет разум. Вздвогнув, Гарри Поттер вынырнул из пучины боли, но тут же столкнулся с новым, ошеломляющим ощущением. Находиться в нескольких местах одновременно – в новинку. Но еще до того, как он осознал это, понял другое: он не только находился в нескольких местах одновременно, но и жил в них.

Сконцентрировавшись, как на уроках истории магии, когда он пытался не заснуть, он уловил момент, с которого, как ему казалось, начался весь этот хаос. С странной отстраненностью он наблюдал, как два заклинания мчатся навстречу друг другу. Взгляды всех присутствующих в Большом зале были прикованы к этой точке. Гарри заметил краткое выражение растерянности на лице своего второго «я», как будто именно этот момент и привел к его нынешней ситуации. Однако вместо того, чтобы остановиться, его зрение расширилось, и головокружительное чувство усилилось. Он увидел множество нитей образов. Он наблюдал, как он и Джинни обретают любовь, которую оба так жаждали. Но он также видел, как они расстаются вскоре после войны, больше никогда не встречаясь. Если бы у него было тело, он бы потерял виски в отчаянии. С той же отстраненностью он наблюдал, как влюбляется в Гермиону, как утешает ее после очередной ссоры с Роном, как умирает в одиночестве, пьяный, в возрасте двадцати двух лет, не в силах справиться с тенью войны. Все это происходило одновременно. Эмоциональный груз должен был его удушить, парализовать, но он чувствовал лишь отстраненность, словно был просто наблюдателем. Наблюдая за жизнью своей и других, он узнал много нового, но в то же время чувствовал, что эти знания пусты. Где бы он ни оказался, если он вообще где-нибудь окажется, они могли бы быть полезны. Он шел не только вперед, это он понял, увидев перед собой молодого Дамблдора. Но было одно важное наблюдение: он сам, то существо, которое называло себя Гарри Поттером в этом... чем бы оно ни было, не жил этими жизнями. Он не воспитывал детей, не провожал любимых в могилу. Он оставался всего лишь наблюдателем, пока другие «я» проживали эти жизни. И внезапным толчком все это было вырвано у него; знания о том, что он узнал, остались, образы и воспоминания остались, по крайней мере, в некоторой степени, но ничего нового не поступало. Сильная дрожь прошла через его существо, и Гарри Джеймс Поттер наконец по-настоящему проснулся.